Михаил ПОПОВ

Гераклу и не снилось...

Книга о современнике, которому уготована вечность

Однако начну тоном пониже. Книга-новинка об известном человеке. Известных, скажут, много. Но до какой степени известных? И где критерий известности? Ведь попса тоже известна. Иных ни много ни мало называют звёздами, даром что их мерцанье не ярче серной спички, а век – не дольше воробьиного скока. Представим себе, что книга ещё не сформирована, что она в стадии работы, а главное – в ней нет имени персонажа. Ни в тексте, ни в заголовке, ни в аннотации. Нигде. Но есть череда событий, фактов, сведений. Сумеет ли читатель понять, о ком идёт речь, если будут перечислены события, главным действующим лицом которых он был? Итак, перечень. Вот наш герой – под парусом в кругосветной гонке, пересекающий океан за океаном… Вот он – на пике Эвереста, величайшей земной вершины, и касается ладонью седьмого неба…Вот он – в пятом океане на воздушном шаре… Вот он – в самом южном океане на вёсельной лодке… Как тут не догадаться, о ком идёт речь?! Только один человек в мире, бросив вызов стихиям, совершил за всю историю человечества такое множество необыкновенных подвигов. Гераклу такое и не снилось. И имя этого человека – Фёдор Конюхов. Ему и посвящена книга Марины Масловой «Прорывающий горизонты».

Книга, наполненная стихиями, органична персонажу. Она облечена в морской пейзаж. Этому вторит и композиция. В книге девять глав, как девять морских валов. Они и укачивают, располагая к размышлениям, и приводят в смятение, и подводят пытливых к истине, и хлещут, приводя иных брюзжащих да критиканствующих в рассудок…

Из чего она сложилась, эта книга?

Поездка Марины Масловой в составе церковной братии в тверскую деревню Фёдора Конюхова – оазис православия в заокских дебрях. Совместная молитва с о.Фёдором, чаепитие в его келье, вопросы-ответы на мирские и духовные темы. Крестный ход и освещение закладного камня будущей часовни в честь святителя Митрофана Воронежского… А потом, по возвращении в Курск, долгие часы за чтением книг Фёдора Конюхова (их вышло семь), осмысление его художественных работ, размышления и черновые записи, чтение публикаций о нём, просмотры теле- и видеофильмов, комментариев в интернете… Вот то, что стало основой этой трёхсотстраничной новинки.

У персонажа книги так много ипостасей, что можно растеряться, с чего начать. Помимо того, что он путешественник-естествоиспытатель, он ещё художник, литератор, испытатель инженерных конструкций, изобретатель… Автор не теряется в обилии информации. Православный человек, Марина Маслова сразу высвечивает главное. И хоть определяет своё восприятие героя в такой последовательности – путешественник, священник, литератор, – начинает с главного – с ипостаси священника, со встречи с о.Фёдором Конюховым в его строящейся православной деревне. И думается, не только потому, что здесь произошло личное знакомство, и что именно эта встреча стала первотолчком для написания книги. Тут, как говорится, рыбак рыбака видит издалека, имея в виду прежде всего изначальную суть первохристиан, будущих апостолов – рыбарей, ловцов рыбы, а затем – праведных душ.

Принять Христа сердцем, всей своей сущностью, молитвенно трудиться, исполнять Его незримую волю и неустанно славить Всевышнего своими трудами и деяниями – вот путь русского христианина. Именно по этой канве идёт шитьё православного автора Марины Масловой о житии современника – православного священника Фёдора Конюхова.

Иногда кажется, тут всякое лыко в строку – и цитата из книги о.Фёдора, и собственное впечатление, и фрагмент из репортажа, и даже интернетовское брюзжание, – но нет. Очевидно, прежде чем войти в рукопись, всему следует тщательный отбор, взвешивание на ладони того или иного житейского эпизода, той или иной цитаты, уместность её именно в этом контексте. Это можно сравнить с тем, как Марина обихаживает свой курский приусадебный сад, о чём поминает. Высаживает цветы, древесные побеги или кустарники, затем, спустя время, видит огрехи, несоответствие одного растения другому, или одного кустика – цветовой палитре вокруг, и начинает работу над ошибками, меняя растения местами. Всё это стоит немалых трудов. О красоте ногтей, которую не исключал ещё Пушкин, при этом не думает, и подчас, как сама тут признаётся, стесняется выставлять на вид свои руки. Она труженица, сказать по-простецки – трудяга. Но и, само собой, первый критик собственных работ, доводящий эту страсть к переделыванию подчас до самоедства. Что делать, такая натура. А уж когда речь идёт о главном – о вере – тут она непреклонна.

Прочтите, как она расправляется с инетовскими недоброхотами и хулителями о.Фёдора, которые лёжа на диване разглагольствуют о смысле странствий неугомонного современника. Не способные оторвать свои задницы от дивана, они фыркают и брюзжат по поводу его очередного маршрута, не видя в том «пользы». Презрение Марины Масловой к их пустопорожнему дребезжанию тут мешается с едкой иронией и сарказмом. Она отстаивает духовный и нравственный подвиг Фёдора Конюхова горячо, убеждённо и убедительно.

Больше того, когда находит в книге Фёдора Конюхова «Мой путь к Истине» строки усталости и, может быть, даже отчаяния, не обходит их стороной. И не укоряя мужественного человека за минутную слабость, по-христиански, по-сестрински старается поддержать, словно всё происходит здесь и сейчас, и открыто являет свою помощь, говоря о его духовной миссии, его миссионерском назначении, о его высоком послушании, которое он несёт пред самим Господом:

«Ваша Деревня явилась для меня отрезвляющим чудом, знаком Божиим, говорящим: встань и иди вперёд, и делай всё, на что хватит твоих сил, и даже больше – даже если кажется, что уже нет сил, всё равно вставай и делай! И будто Господь сказал мне: вот – Я показал тебе человека, которого ты хотела увидеть лицом к лицу, чтобы заглянуть в его глаза и услышать его голос; всмотрись в него и пойми, наконец, что он не сверхчеловек и не самый сильный телом. Разве ты не видишь теперь, что душой он – совершенный ребёнок! Он потому и силён, что в его немощи и смирении действует Моя сила!».

Марина Маслова приемлет это открытие всей своей восторженно-строгой душой. Больше того, свои чувства и мысли она начинает поверять христианским камертоном о.Фёдора. От страницы к странице мы видим, какая большая и глубинная работа происходит в её душе и сердце. А прямой отзыв на деяния отца Фёдора, украшающего повсюду и всеми средствами Божий мир, – её последовавший после поездки порыв. Вернувшись в Курск, к своему саду, она на другой день берёт свою заветную лопату, грузит в багажник саженцы и едет в дальнюю обитель, чтобы помочь обихаживать тамошний сад. Где там прекраснодушные чеховские персонажи, мечтающие о саде! Вот что требуется, как это делал и Антон Павлович: взять лопату и копать землю, очищая её от сорняков, а потом посадить деревце, напитать своей любовью и водой и лелеять его, покуда оно не коснётся неба лепечущей благодарно листвой.

Марина Маслова воочию убедилась, и на том стоит, что о.Фёдора объемлет Сила Божия. Она во всех его деяниях. В том числе и в творчестве. Эти ипостаси автор книги выделяет в отдельные главы.

Одна из них – о живописи и графике Фёдора Конюхова. Все три тысячи его художественных работ Марина, понятно, не видела. Но ясно, что многие, в частности те, которые представлены в книге Конюхова «Там, где видно Бога», всё же просмотрела. И хотя подчёркивает в подзаголовке, что это представления дилетанта, судит убедительно. В перечне – сравнения работ Конюхова с полотнами Рериха, Гогена, Климта… И вот только один абзац:

«Картина «Весна. Портрет жены художника», что на 51-й странице книги, естественно вызвала в памяти таитянок Гогена. К примеру, гогеновская «Женщина, держащая плод» разрезом глаз, грубоватым очерком носа, широкими губами явно родственна конюховской «Весне». При этом у Конюхова первобытная сила природы в образе любимой женщины одухотворена отчётливее, чем у Гогена. У таитянок усталость во взгляде, истомлённость негой и покорная пустота (готовая принять любую форму, как писала Марина Цветаева о жене Пушкина). От портрета жены художника исходит личностная воля, первобытная жизненная сила одухотворена глубочайше осмысленным, каким-то сверхъестественно живым взглядом огромных, магнетически притягивающих глаз».

Ещё более основательна Марина в главе, посвященной словесному творчеству Фёдора Конюхова. Ведь словесность – её профессиональная стихия. Филолог по образованию, кандидат филологических наук, литературовед от Бога, она – автор многочисленных статей и книг о прозаиках и поэтах XIX и XX веков, творчестве современников. И на подчас скептические замечания коллег, де он ведь документалист, она приводит цитаты из книг Фёдора Конюхова, которые восходят к классической житийной прозе.

«…Для живого быть полумёртвым немногим лучше, чем быть мёртвым. Я только имею надежду на милость Твою, Господи. Убереги меня от страдания и айсбергов и доведи до берега земного к людям, как некогда во времена Моисея Ты повёл евреев в тихий покой Земли обетованной. Приведи и меня, очисти от моих грехов. Моя душа совершенно измучена сомнениями. Я рядом с айсбергом подобен овце, обречённой на закалывание. Как говорится в притче? «И я, заблудший, бродил в безлюдных горах». Так же и я один в бескрайнем океане, а айсберги – злые волки».

«Господи, не лиши меня вовсе надежды на спасение. Я с трудом преодолеваю трудности и страдания, плыву по водам нехоженым. Я удивляюсь, прихожу в отчаяние, недоуменный, ошеломленный. Если и дальше будет столько айсбергов, что со мной и моей яхтой произойдёт? Стыжусь сказать, но мне кажется, что айсберги посланы преисподней».

И вот комментарий Марины Масловой:

«Пожалуй, больше никому из мореплавателей не приходило в голову, что айсберг можно уподобить волку, охотящемуся на заблудшую овцу. Эта образность возможна только в устах человека, любящего и знающего Священное Писание, помнящего наизусть многие его страницы. И нам теперь дороги страницы книги отца Фёдора именно тем, что он вот так естественно, живя внутри молитвы, соединяет образы библейские с сегодняшним днём, и мы видим, как современно всё, что было сказано сотни и тысячи лет назад».

В подзаголовке статьи я написал слово «вечность» применительно к современнику. Это производное от убеждения автора книги. Но я разделяю утверждение Марины Масловой. В роду Конюховых шесть святых. Деяния Фёдора Филипповича, его пастырская стезя уже при жизни возводят его на горние выси, и нет сомнения, что когда-нибудь его светлое имя продолжит тот фамильный ряд.

* * *

Работа над книгой «Прорывающий горизонты» шла параллельно-последовательно. Автор Марина Маслова – в Курске, я, редактор, – в Архангельске. Издание осуществил Благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», который учредил премию имени Фёдора Конюхова (глава фонда Аркадий Елфимов). А оформлялась и печаталась книга в Москве.

Что касается Фёдора Конюхова, чьи пращуры поморы, то он волен, как северный ветер. В эти дни он опять собирается в странствие. Об этом тоже есть в книге Марины Масловой – ссылка на недавнее интервью о.Фёдора:

«На моем счету более 50 экспедиций и 20 мировых рекордов. Горжусь, что эти достижения за Россией. Когда я приехал в Швейцарию в штаб-квартиру FAI за наградой «Пилот года», мне президент этой организации показал папку Юрия Гагарина. С 2016-го и моя стоит на той же полке. Мой рекорд – самый быстрый кругосветный полет на воздушном шаре, 11 суток.

В этом году мне исполняется 70. И юбилей я встречу в океане! Такой вот подарок решил себе сделать. Предстоит первый в истории одиночный переход через Тихий океан на катамаране NOVA на солнечной энергии. Судно океанского класса длиной 11 метров, с электрическими моторами и солнечными модулями. Сто дней в пути, девять тысяч морских миль. Если позволит погода, стартуем 12 декабря 2021 года».

В этот день, 12 декабря, Фёдору Конюхову и исполнится 70 лет. Что ему пожелать? Семи футов под килем? – так там, в океане их целая тысяча по семь. Потому пожелаем неутомимому страннику крепости духа, здоровья и неиссякаемой Божией милости.

И ещё. Книгу Марины Масловой «Прорывающий горизонты» Фёдор Конюхов прочитал на днях – в период подготовки к новому плаванью. Как знать, может, он возьмёт её с собою, эту новинку, как берёт в странствия намоленные иконы, Священное Писание и иные душеполезные книги. Потому что радость свою от прочитанного, позвонив издалека Аркадию Елфимову, о.Фёдор выразил не дежурными, а очень восторженными и душевными словами…

Валентина ИВАНОВА

Близкий человек

Новые страницы иркутской прозы (часть вторая)

(Первая часть – в предыдущем номере)

Рассказы Андрея Антипина «Русские песни» *(ж.Сибирь, 2020-№6)* – это серия портретов, которых пять. Сквозь портрет одного, главного героя, проявляются многие лица, судьбы. Читатель тоже внутри рассказа. Ранним утром, когда встает над деревней солнце, он останавливается около лавочки послушать жалобы старухи Краевой, разговаривающей сама с собой, вечером пьет чай и шуршит конфетами вместе с «одинокими людьми», днем качает головой в ответ на ругань соседа о развороченном дядей Веней заборе, настороженно проходит мимо дома Щорса, слыша пьяные голоса его сомнительных гостей, а за деревней под навесом утешается Наташиными песнями. Сердцем принимает воспоминания повествователя, его ворошение памяти, находки, сокровенные признания, точные наблюдения, которые потом долго живут в душе как откровения. Читатель тоже часть большого общего портрета народа, встающего со страниц «Русских песен».

Странный это портрет. Автор словно накапливает, собирает в изображении человека детали, которые должны были бы оттолкнуть, вызвать отвращение. Старуха Краева («Квартирантка»), «несмотря на свои больные ноги, изуродованные варикозом, весь день как неприкаянная мотылялась из избы да в избу, стукая дверью, ночью бормотала за дощатой переборкой или, воспалив свет, стригла ногти мимо газеты, лязгая старинными массивными ножницами с источенными лезвиями», она «осунулась и посохла, так что одежка висела на ней, как кора на гнилом дереве», и слышала-то «не с первого раза, а пока не пошевелит в ухе булавкой». В рассказе «Одинокие люди» отталкивающие подробности обрушиваются на читателя ушатом холодной воды. Вовка, главный герой рассказа, – «балясина огородная», «худой, как беглый человек», «плюс активно некрасивый», «с большим носом горбом и маленькими желтыми глазками», «в ответ буркнет, а нет – лица не поднимет», «с рожденья инвалид на голову, получает пенсию». Вот он, «сплюнув окурок, жует всухомятку булочный, от таскания в кармане загрязнившийся мякиш». И почти каждый день «идет в Казарки по хлеб-соль», «бредет в пургу – шаткий, как соломинка». И вот эта-то соломинка-человек с хрупкой, ранимой природой, и «повод, чтобы идти?» – и есть выражение натуры, судьбы Вовки. Дело тут и в слове, и в интонации, и в моменте, выхваченном из времени, и в точной «мелочи», растворяющей в себе большое, дальнее, вечное. Очищение от мути, поднятой со дна родниковой лужицы, освобождение улетающей души от размотавшихся портянок.

Портрет дяди Вени («Game over») дается после описания трелевочного трактора «с расхлябанной дверцей, битой кабиной без стекол», «башка у которого не по центру, а на левом плече». Неуклюжий, косолапый ползет такой «исполинский жук» по деревне и «всякая мелкая вещь в доме заходится нервным тиком». И, кажется, что это уже не трактор дядя Вени, а сам он двигается, исполненный богатырской силы, «не умеющей саму себя выговорить». Образ трелевочного трактора – портрет самого водителя, его характер. Оба «портрета» дополняют друг друга, обнаруживая сходство внешности, действий, материала. Ходит дядя Веня с характерным приплясом, собираясь «в пружину, готовую в следующий миг выстрелить лязгающей сталью», и горло у него как будто «не из мяса, а из свернутого трубой и пропаянного по шву листового железа». «Руки у дяди Вени были с крупными уродливыми венами. Тяжелые, комкастые, все равно что выдавленные на разбитом шаблоне». А неучастие души к собственной жизни и к себе в изображении автора «было развинчено до упора». Так легко сам дядя Веня свинчивал гайки со своего ТТ-4 для грузила: «Лишняя!». «О том, что дядя Веня был трактористом, говорило и другое. Если его, пешего, окликали в дороге, он тормозил не сразу, а спустя сколько-то шагов после того, как окликнули, и непременно оборачивался весь». Такова природа метафоры, древнего ее мифического всесилья, объединяющего образ человека и его современного «орудия труда» в одно живое существо, давая художественный сплав, общий на двоих характер.

Удивительно, но с каждой отрицающей видимую красивость деталью главный герой рассказов становится все ближе и родней. Зримее становится искренность, тишина, кротость, связь с миром – душевный лад. Тихо и незаметно, как ходил и говорил, ушел из жизни Щорс. Его неспокойная жизнь не разрушила покой вокруг. Старуха Краева, после горьких жалоб на дочь и зятя, поднимается, чтобы покормить их: «с раскачки снялась, подперев себя палкой, и поковыляла в избу: дочка с зятем через час-другой проснутся, так хоть картошек пожарить! У самой изжога в кишках, а они, молодые, любят со шкварками». Заключительные в рассказе «Квартирантка» образ коробка со спичками, чиркая которые, старуха пытается согреть замок на уличной кладовке, чтобы взять сало для жарки, и образ солнца, которое поднимается над деревней, над Леной, согревая морозный весенний воздух и растаивая льдины, становятся ключевыми метафорами добра, человеческого прощающего сердца и вечной природы. Настойчивое чирканье спичек, которые задувает ветром, в попытке отогреть замок, прихваченный заморозком, прислушивание к тому, поднялись ли в доме, с надеждой успеть все сделать, выдают глубинные качества души старухи – терпение, незлобие, прощение за обман, насилие. Природа и человек объединены метафорой дарения жизни и добра.

Щорс, «встречающий-провожающий» для вахтовиков, лесорубов, по-отечески их наставляет: «Давайте, мужики, чтоб все культурно, без всяких там закоулочков! Ну, захотели *посидеть* – пришли ко мне…». Щорс берет на себя обязанность опекать этот обездоленный, бездомный, путаный люд, спасая его от обморожений и умирания на улице. А блуждающий народ обирает Щорса, просаживает его пенсию, поколачивает. И все-таки он чувствует необходимость по-своему заботиться о нем. Замыкающей и пронзительной в цикле рассказов метафорой стала косынка Наташи. «Был ясный, солнечный день, над навесом трепетала от ветра Наташина косынка, которую она для чего-то повязала за день или два до смерти». Косынка над лугом в пространстве неба остается посланием молодой женщины, ее пожеланием добра оставшимся жить, напутствием помнить о высшем в своей жизни. Освещенная солнечным светом она открывает Божью благодать присутствия Наташи на земле, благодать, дарованную людям ее голосом и душой.

«Близкий человек, которого я едва знал», имя которого, возраст не значимы и всеми забыты, это главный герой рассказа «Щорс». Тает в воздухе у его дома зов «Па-а-пка!»: «никто не навещал его раз в пятилетку, и, поставив чемоданы на землю, еще от калитки не кричал: «Па-а-пка!», а затем легкого и сухого, выбежавшего с мокрыми глазами на крыльцо, не тащил в охапке через всю веранду» («Щорс»). Ранит несбывшейся надеждой несостоявшаяся встреча. Между тем, мотив «мой близкий» звучит рефреном в рассказе, обнажая преемственность, родство. Дальний, чужой человек стал частью души автора и в рассказе «Game over»: «Чем еще позвать дядю Веню из памяти?». Память автора – дом, в котором остались жить Щорс, дядя Веня, Наташа, и другие неглавные герои. Из этого дома они и выходят, знакомятся с нами, новыми собеседниками приютившего их хозяина. Не гости они для него, а родные люди. Их дар – слово, голос, песня, состояние души – сохранены и умножены автором. «Его великолепное "чалишь" аукнулось в одной из моих повестей живой и полнокровной частью, и этим невольным вторжением в мою судьбу забытый ныне Щорс закрался в меня однажды и навсегда. Так бывает близко и дорого то, что дает нам – рождение, талант, силу, красоту, дыхание, тело… Или вот – Слово». Так дар возвращается дарителю возможностью «пусть ненадолго, но продлиться под небом». Продолжением себя в другом красивы герои рассказов Андрея Антипина.

Душа главного героя каждого из рассказов связана с миром страданием. При этом она стремится понять этот высший закон, давший его, не нарушая природной гармонии, социального устроения. В рассказе «Одинокие люди» мотив боли открыт в финальной метафоре. «Пуржит, сеет белым. Корчатся – перехлестываясь – в электрических судорогах провода». Страдание человека отражают провода. Вот Вовка в морозный день по дороге в Казарки останавливается, «сутулясь, шалашиком складывает у лица озябшие ладони. Долго чиркает спички. Ему отчего-то надо курить на ветру!». И без авторского дополнения – «Может быть, пурга навевает невеселые мысли» – портрет одинокого среди бушующей природы человека вызывает сострадание. В рассказе «Квартирантка» конечная фраза тройным эхом уходит в пространство, в даль следующих повествований: «И все думала, думала, думала!». Наташины песни тоже звучат как тихое, горькое раздумье, «вот с этим костром на ветру, колбасой на дымном прутике и балаганом за поскотиной, а вслушаться – то и с мужем-пьяницей, зарплатой в семь тысяч рублей и каким-то неизбывным бабьим горем, понять и пережить которое Наташе как будто довелось еще девчонкой». Ее песни передают горечь и женской доли, и многострадальной судьбы народа, пережившего беды, горе, войны, лишения. Выстраданное за многие века осталось где-то в глубинах сердец, в глубинах памяти народа, создавая мелодии, интонации, печаль русских песен, несущих утешение. Думами главные герои рассказов Антипина связаны с миром. И, стремясь постигнуть высшие, дальние смыслы, они отражают их в себе, воплощают в своей судьбе.

Показательно, что цикл рассказов начинается плачем – старухи Краевой («Квартирантка»). «На глаза набежало, и старуха заплакала, но не навзрыд, а словно параллельно голосу, точно голосом говорила одно, а слезами – другое, самое сокровенное, что словами не скажешь. Поплакав, помакала лицо в платок, разостлав его в ладонях». Образом Наташи-«плакальщицы» завершается. В последнем рассказе – плач втройне, о самой Наташе, плач с Дуськой, Наташина песня-плач. «И только Дуська с Береговой вспомнила, что однажды разругалась с мужем, прибежала к Наташе на пастбище, обе поплакали, сидя под навесом, и Наташа пела ей русские песни», – заключительная фраза рассказа.

Рассказы Анжрея Антипина позволяют заглянуть за череду времени, увидеть неизменное в русской душе и русской жизни, ощутить дыхание тысячелетней Руси. Его персонажи, живя в современности, приходят из вековечья. Автор обнаруживает особое их бытие – вне исторического времени. Давнее прорывается голосами, заботами, мыслями, встает рядом с нынешним. «Разговаривают. О чем? О Боге? О барине? О России державной? Да нет же! Снегу навалило, а к утру не отпнешь ворота…» («Одинокие люди»). Природа Сибири, России соединяет воедино историю, образ жизни, русский характер сквозь века. «И – как голос иных времен – стукает в окно сорвавшаяся с привязи ставня. "Надо сказать, чтоб новый крючок загнул из гвоздя, а то – жу-утко…"». Это «жу-утко» занесло в рассказ, наверно, еще с пушкинских времен. И в Щорсе, «сидящем на мешке с картошкой <…> что-то уходящее, старинное, последнее…». Голосом старинных плакальщиц звучит голос Наташи: «ревела, как пела – навзрыд». «Такими голосами раньше кричали на похоронах специально обученные плакальщицы. Профессия сошла на нет, а вот способность к этому, сила, страсть и страдание плакальщиц неожиданно проснулись в Наташе». Так просыпается древняя Русь в рассказах Андрея Антипина. В рассказе «Game over» характер главного героя возникает из еще большей древности. «Он, дядя Веня, дожив до конца атомного века, по чужой, своей ли воле, но словно вернулся в те времена, когда волосяной петлей ловят рыбу в реке, ночью спят вполглаза, ибо саблезубые за каждым кустом, а в руках только раскаченный из пещеры камень, да копье с обугленным концом, да сам огонь, принесенный на ветке из синей грозы». И в этом открывается своя правда, почувствованная нутром, инстинктом древнего человека за комфортом, оргтехникой и высокими скоростями современного мира. «И пусть все кругом, сама природа молчит, <…>: хищники рядом!».

Стихия русской речи в рассказах Антипина подхватывает и несет. Неслышимые ранее слова понятны, выразительны, раскрывают многие значения, остры, приметливы, как хлесток и образен язык народа: «Лопушиха» (Клавка), «остяжела», «белье помячкать», «заугольня», «топиться-то надо» (топить печку), «помакала лицо в платок», «сырвяг» и «сушняк», «выстлав длинные ноги», «ички», «пакушка чая», «сковырнув прежнее, зыбучее». Но стихия народного языка невозможна без неожиданных поворотов, очищающих слово и мысль, выявляющих соотнесения, столкновения, диалектику самой жизни. «Пчелка с цветка на цветок и мед собирает, а Клавка совсем не пчелка», или «За окном то же, что и в телевизоре, – пурга». Стык несовместимого, их связь и взаимопроникновение рождает «парадоксальный» язык писателя. Удивительна звукопись рассказов, что соотносит речь с музыкой. Невозможно не услышать звук производимого действия в словах: «шуршит трескучей оберткой», «лущила пачки с таблетками», «вжикая тонометром и с треском отдирая липучку». Последние две звуковые линии врываются диссонансом в жизнь Наташи, мелодичность ее песен, в глубокое звучание ее голоса. Проза Андрея Антипина ритмизована. Ритмом отмечена, например, фраза Щорса, единственно памятная для повествователя: «Че ты его ча́лишь?! Ведь не ки́дается он…».

В каждом рассказе присутствует мотив ветра, образующий скрытый сквозной сюжет. Ветер судьбы, ветер России – метафора стихии русской души, русской истории. В конце первого рассказа ветер «задувает», гасит спички, которые чиркает старуха Краева, отогревая замок на кладовке, что выделяет значение неведомой силы, противящейся теплу и свету. В рассказе «Одинокие люди» мотив ветра воплощается в образе пурги по дороге Вовки в Казарки. И вновь чирканье спичек на ветру. Вечером в доме одиноких людей – пурга за окном и в японском телевизоре. Разгулявшаяся стихия в конце рассказа заставляет корчиться в судорогах провода, срывает с привязи ставню, вызывает страх: «жу-утко..». В рассказе «Game over» мотив ветра появляется неожиданно и просто: «А пока дядя Веня для тебя – неизвестная грустная жизнь, и лишь одно у вас на двоих – этот ветер в лицо». Ветер роднит местом рождения, нераздельной судьбой. Стихия ветра открывается в рассказе «Щорс» образом снежной пурги: «всё в горький час пущено по ветру, который, кажется, затем и свищет на Руси, чтобы толкать в спину и засыпать рот снегом. Вот и этого человека – толкал,